

Тутунджанна

Про Вологду Джанна Тутунджанна слышала лет с 15. Именно в этом возрасте юная москвичка познакомилась с будущим мужем Николаем Басовым. Он так много и страстно рассказывал о Вологде, что художнице наш город казался совершенно сказочным. А люди, которые говорили на «о», - лучшими людьми на земле. Одним словом, когда она полюбила задолго до того, как с ним встретились, и страстно желала как можно скорее уехать из Москвы.

- А вы помните свой первый приезд на Вологдину?

- Впервые я сюда приехала в 1951 году. Даже еще не была. Земля, люди, какой-то совершенно особый мир разлился сразу, засели заново. А она потом вдруг пустилась вприпрыжку, потянувшись вглубь, и проросла в каких-то своих ощущениях. По идее, художники должны были встретить меня с недоверием. Я и сама бы не поверила художнику с таким именем. Но тогда глупой, наверное, была на это никакого внимания не обращала. И спокойно жила, несмотря на то, что вологодская земля - не моя родная. Делала то, что мне было в радость. Я счастлива, что судьба забросила меня в Вологду, теперь уже в мою деревню. В Москве я не смогла бы жить, ни работать. Даже тогда училась, ощущала себя белой вороной, несмотря на то, что родилась в столице.

- Вы любите путешествовать?

- Пожалуй, да. Еще девчонкой мечтала стать капитаном дальнего плавания. Объехать все страны, увидеть как можно больше людей. Узнать их жизни и рисовать, рисовать... Со временем детское желание сузилось до нужд одной деревни и края. С возрастом поняла: и одна деревня может быть целым светом. А испытать и понять то, что тебя окружает, даже жизни не хватит. Был такой художник Вернер. В основном писал свою матерскую. Нигде не путешествовал. Но он - великий художник красоте и выражению духа человеческой жизни. Так что я того, чтобы выразить человека, вовсе не обязательно далеко уезжать. Хотя по-своему это очень интересно.

- С каким чувством вы возвращаетесь домой?

- Есть у меня в столице один знакомый художник. Про провинцию он обычно говорит: «Здесь все скучно, серо, безденно. В Москве жизнь кипит! А тут... Сажу, смотрю в окно - снег, снег, снег...» Я же сижу в поезд, смотрю в окно вижу: снег! Снег! Снег! Такая чистота кругом. Все беды скрываются снегом.

Не помню, кто на вопрос: «Какого цвета Россия?» ответил: «Зеленая и синяя». Я бы сказала - белая и горячая. В даром на Руси любят красный цвет и говорят: красна девица, красный угол, краса, кра-

сота. Все от красного, от горячего...

- А как вы открыли для себя деревню Сергиевская Тарногского района, на долгие годы ставшую вашим приютом вдохновения?

- Я уже рассказывала, как с Колей мы приехали в Вологду. Но меня манили другие горизонты, и вместе с мужем мы путешествовали на лодках и байдарках. В один из таких походов на границе Тарногского и Нюксенского районов и заметили наш угор, на котором стоял домик. Маленький такой, как скворечник. 3.30 на 3.30. Без окон... Кругом красота необычайная. Сухона величественно несет свои воды.

Я села рисовать. Вдруг подходит одна старуха, говорит: «Тебе чего, тут погля-

«Открываю дверь в крестьянскую избу и пишу то, что трогает душу...!»

нулось? Все сюда ездишь?». - «Поглянулось», - отвечаю. - А это чья изба?» - «А тебе чего?» - «Так, интересно. Хочется осенью сюда с детьми приехать. Школа у вас есть... А самим писать». - «Хозяин придет, поговорит».

Хозяин попросил задаток. Мы написали в Вологду. Союз художников выслал деньги. Мы попросили сделать окошко и сложить печку. К нашему приезду все пожелания были выполнены. Дети тогда во второй класс ходили. Сейчас по 45 лет.

Вообще это место необычайно красиво. Дальше за нами течет река Кокшеньга, а страна называется Кокшарией. Я там тоже много бродила и однажды набрела на Андрея Угрюмова. Мы познакомились, он меня очень хорошо принял и даже начертил карту, показал, где стоит ходить...

- Джанна Таджатова, а почему на вашей выставке так много работ, посвященных материнству?

- Наверное, потому, что в нашей жизни слово «мать» больше встречается в черном словосочетании, чем в заботе о человеческой судьбе. С этим именем мы закладываем фундамент здания, строим его, крыши покрываем, в доме живем. С черным именем. Делается это совершенно бездумно. Меня это просто потрясает. Ни у одного народа нет такого издевательства над словом «мать». Когда человеку какой-либо национальности надо выругаться, обычно это делается по-русски. Мне кажется, сегодня вся наша жизнь проросла ма-

том. И все же какие-то нравственные препоны должны существовать! Оглядка на человека начинается с матери! Может быть, сначала с Богоматери, потом с человекоматери. Если человек уважает свою мать, он не сможет совершить преступление, поднять руку на живое существо.

Я наблюдаю разные семьи. Там, где мать умеет создать уют, тепло, она сама как очаг, у которого можно погреться, исполняется. Сейчас в наше смутное время человек должен где-то к чему-то свою душу прислонять. Не случайно в семьях, где есть бабушки, теплее. И дети в них вырастают добрее. Бабушка ведь тоже мать, только старая. Просто у нее есть время прикоснуться к ребенку. И малыш, прислоняясь к этой доброте, вырастает совершенно другим.

Мне кажется, женщина ближе к природе, чем мужчина. Так же, как и ребенок. И если он живет среди добрых собак, кошек, коров, птиц, леса, реки, неба - вырастает гораздо добрее, чище. И никогда не сравняется городскому человеку и деревенскому. Пусть сельские жители охвачены меньшей культурой, принадлежностями цивилизованной жизни, но не она делает человека счастливее и лучше. Просто деревенская жизнь сейчас замордовывает людей. Им даже негде показать, какие они на самом деле.

- Как вы вышли на листы-разговоры?

- Все случилось само собой. Просто, кроме долгих, больших работ, я одновременно делала графические.

Встречалась с разными людьми, рисовала их. Иногда их мысли и рассуждения мне казались очень интересными. Ну, например: «В детстве-то росла я худенько! Родители думали: какая подмогала? Тятя говаривал: «Умирай, Танька, с красным звоном проводим...». А я вот выжила, да всю ужась перенесла, да великие пуды перетаскала. Всех уже своих пережила. Да все и живу!»

Как-то рисовала одну старуху и все, что та говорила, взяла и записала. Потом повторила это еще раз, еще. И подумала: зачем людские мысли прятать, когда можно их оставить на самом рисунке? Я от слов моих старушек зажигаюсь. Может, кого-то еще они тронут...

По-моему, Романов очень хорошо сказал про поэтическую прозу Белова, что-то типа: «Он открывает дверь в

левые цветы?»

- Да. В моей «коллекции» - лютики, ромашки. Мои незабудки - особые, на длинных стебельках. Жаль только, что в последние годы васильков мало стало. В основном те цветы, что представлены на выставке, написаны или раньше, или совсем недавно, нынешним летом. В наш колхоз пришел новый председатель, женщина. Весной засеяли ржаное поле, и сразу же на обочине высыпали васильки. Так что все цветы с одного места: из родниковой страны.

- Тогда припомните самое счастливое время?

- Когда однажды с января по март я одна жила в своей деревне. Целыми днями писала, а вечерами открывала двери в «космос крестьянской жизни». Если же оставалась дома, то топила печку и думала о чем-то своем.

- А вы - счастливый человек?

- Если подходить с житейской точки зрения, да. Все в порядке. Я не одинока. Есть взрослые дети, внуки. Любимая работа. Есть где жить. Но если подходить с точки зрения творчества, этого сказать не могу. Слишком далеко то, что маячит и что получается. Я очень сильно ощущаю этот разрыв. Настолько он жжет, мучает, что счастье почувствовать просто невозможно.

- А о чем вы мечтаете?

- Если посмотреть на нашу жизнь сверху, как бы из космоса... Знаете, я очень бы хотела, чтобы перестали убивать наших мальчиков. И чужих - тоже. Как говорит у меня одна старуха: «Чтобы, как все, эти страны да жили бы в одно

крестьянскую избу, как дверь в космос крестьянской жизни...». Я такими высокими категориями не мыслю, а просто открываю дверь в избу и начинаю писать то, что трогает мою душу. В Сергиевской мы живем очень давно, так что моему появлению никто из местных жителей не удивляется.

- А где вы находите героев и героинь, натуру для своих портретов?

- Это не герои и не героини. Просто окружающие меня люди. Маша Шубейкина - красивая русская девушка, ничего, кроме этого, сказать этим портретом я не хотела.

Иногда видишь человека, и возникает какой-то образ. Допустим, когда я писала «Человека с одним крылом», сделала его более мощным, значительным. Этот же мужчина стал натурой для портрета «Несущий свой крест» и для «Ратника». Его лицо, облик генетически свойственны русскому народу. Если на него надеть кольчугу и шлем, будет настоящий ратник князя Александра Невского.

Одним словом, какие-то портреты пишутся просто с натуры, какие-то рождаются от встреч с теми или иными людьми.

- Вы пишете только по-

сердце!.. Чтобы войны-то этой проклятой не ведать боле. Никогда!» Я с ней согласна.

- О чем-нибудь жалеете?

- Нет. Помню, на одной из выставок подходят ко мне и говорят: «Ваши «Незабудки» хотят купить Русский музей и Министерство культуры. Спорят между собой. Только вот тапочки надо нарисовать». - «Да ни за что!» - ответила я. - Пусть хоть Лувр покупает, тапочки никому пририсовывать не буду!» И не стала. «Незабудки» приобрела Вологодская картинная галерея.

На зональной выставке, посвященной северной деревне, в Новгороде картину «Расставание» вообще сняли. Не понравилась она выставочному, хотя я тоже его членом была...

Немало споров породила и картина «Вольному воля». Даже на этой выставке. Впрочем, такие моменты бывают у каждого. И если ты художник, должен уметь отстаивать свою точку зрения.

Ирина АРХАНГЕЛЬСКАЯ.